

Путь, который приведет к разделению метафизики и положительной теологии, был широко открыт, и теологи XIV века пройдут по нему до конца.

Если, с другой стороны, мы рассмотрим само содержание учения Дунса Скота, то увидим, что оно включает в себе важные трансформации. На первый взгляд, Дуне Скот пребывает в согласии со св. Фомой по фундаментальным философским положениям, но при более пристальном рассмотрении почти всегда оказывается, что он их понимает в ином смысле. Доказательства существования Бога у Дунса Скота явно апостериорны, и в них рассматриваются такие же следствия, как у св. Фомы; но у него проявляется очень сильная тенденция отнести на второй план опытную очевидность, которая является отправным пунктом доказательства, с целью опереться на необходимые отношения между понятиями, заимствованными из опыта. Дуне Скот рассуждает преимущественно исходя из необходимого, то есть развивая содержание определенных понятий, первоначально заимствованных из опыта; но относительно этих понятий, однажды усвоенных интеллектом, опыт нас уже ничему не учит. Несомненно, Дуне Скот понимает, что в действительности всякое человеческое знание начинается с чувственного опыта, но в принципе человеческий интеллект должен был бы обходиться без него, а метафизик должен прилагать все свои силы для достижения этого.

Дело в том, что — преимущественно под влиянием Авиценны — Дуне Скот не согласен со св. Фомой ни относительно природы человеческого разума, ни относительно его действительного объекта. Метафизика «тонкого доктора» на самом деле строится на базе «*natura communis*» — на авиценнов-ской неопределенной, недетерминированной сущности. Вопреки впечатлению, которое

Глава IX Философия в XIV веке

458

при первом чтении остается от их трудов, можно с полной уверенностью утверждать, что ни Фома Аквинский, ни Дуне Скот не исходят из Аристотеля. Будем, по крайней мере, говорить, что они не исходят из одного и того же Аристотеля: Аристотель св. Фомы очень похож на Аристотеля Аверроэса; Аристотель Дунса Скота больше напоминает Аристотеля Авиценны. Кроме того, эти два мыслителя принадлежат к разным поколениям: между Фомой Аквинским и Дунсом Скотом словно водораздел стоит осуждение аверроизма в 1277 г. Почти все произведения, созданные после него, несут на себе отпечаток этого события. Для большого числа теологов конца XIII — начала XIV века оно стало поворотным пунктом: кто-то из них пожелал довериться философии; но философия—это Аристотель, и вот, наконец, все ясно увидели, к чему ведут Аристотель и философия. Поскольку Аристотель, идя путем разума, не мог постичь фундаментальных истин христианской религии, то философия сама обнаружила свою неспособность к этому. Это было доказано на опыте. Влияние Аверроэса до того момента вышло далеко за пределы аверроис-тских кружков. После 1277 г. характер средневековой мысли коренным образом изменился. Проведя недолгий медовый месяц, философия и теология пришли к выводу, что их брак был ошибкой. Ожидая развода, который не замедлил произойти, они приступили к разделу имущества. Каждая сторона получила во владение свои проблемы и запретила другой их касаться.

Все творчество Дунса Скота несет на себе печать озабоченности подобным положением. В имеющихся у него элементах волюнтаризма видны следы мусульманского влияния. Это так, но только в смысле, прямо противоположном тому, который обычно придают этому утверждению. Отнюдь не Бог мусульманской религии побудил Дунса Скота требовать для